

Владимир ХАНАН

Владимир Ханан (Ханан Иосифович Бабинский) родился 9 мая 1945 года в Ереване. Семь лет провел в волжском городе Угличе; до переезда в Израиль (1996) жил в Санкт-Петербурге и Царском Селе. Учился на историческом факультете Ленинградского Университета. Работал слесарем, лаборантом, сторожем, оператором котельной. До перестройки публиковался в самиздате, первая официальная публикация в журнале «Знамя» (1993), печатался в США, Англии, Франции, ФРГ, Австрии, Литве, Израиле. Автор пятнадцати книг стихов и прозы и более двухсот публицистических статей в периодике Израиля и США. В «Волге» публиковались стихи, проза, критика (2013, 2014).

РАССКАЗЫ

Рассказ

В октябре прошлого года я ехал по делам из Балтимора в Нью-Йорк. На поезде. Время у меня было, и я мог себе это позволить. Лететь? – Нет. Наверное, я по натуре консерватор. Мне больше нравится, когда из одного города до другого, до которого несколько сот километров, едешь несколько часов, когда можно и отдохнуть и подумать. А не так: сел в самолёт и через час ты на месте. Короче, купил билет, зашёл в своё купе и обнаружил сидящего там седовласого господина располагающей наружности. Поезд тронулся, и минут через десять этот джентльмен предложил: уж коль мы с вами попутчики, не познакомиться ли нам с вами, мистер, простите, не знаю вашего имени.

– Чарльз, – говорю я, – можете меня звать просто Чарльз.

– Эндрю, – говорит он. – Вот и познакомились. Должен вам признаться, Чарльз, я часто езжу и к тому же любитель пообщаться в дороге. А вы?

– Ничего не имею против, – говорю я. – Беда только в том, что собеседник я никудышный. Я, знаете ли, технарь, и голова у меня забита формулами и числами. У меня даже анекдоты в голове не держатся.

– Во всём есть положительная сторона, – говорит Эндрю, – если вы любитель помолчать, то я, напротив, любитель поболтать, так что мы с вами можем провести время с обоюдным удовольствием. Как раз сейчас меня распирает одна история, которая просто просится быть рассказанной. И если вы не против, я вам её расскажу.

– Я весь внимание, – говорю я Эндрю, – рассказывайте, я с удовольствием послушаю.

– Ну, так слушайте. Много лет тому назад путешествовал я на своём старом бьюике по Среднему Западу. И, проезжая через какой-то заштатный городишко, остановился у некоего заведения – то ли маленькая гостиничка, то ли просто забегаловка, с целью перекусить, а заодно и отдохнуть, чего не сделаешь за рулём. Вошёл в зал, почти пустой, Только одна пара за дальним столиком и официант, он же, похоже, хозяин этого провинциального райка. Помню, заказал бифштекс, овощной салат и бутылочку пива. Хозяин принёс мне заказ и отошёл, но, смотрю, мается в одиночестве, явно желая пообщаться. Я, как видите, человек общительный, а потому возражений не имел. В общем, он подсел ко мне и пошли обычные расспросы: откуда, куда и всё в таком духе. А я в свою очередь: как дела, как справляетесь, народу, смотрю, мало... Что держит на плаву?

– Справляемся нормально, – говорит Гарри, так звали хозяина. – Уже несколько лет держим с другом это заведение и не жалуемся. В будни, конечно, народу не много, но по выходным хватает. У нас тут рядом шахта, так что по субботам и воскресеньям оправдываем всю неделю. В общем, жить можно.

– Не думаю, что шахтёры народ весёлый, – говорю я, – не скучно с ними?

– Да нет, – говорит хозяин, – а кроме того ведь и приезжие бывают, вроде вас. Так что на скуку не жалуемся. А народ бывает всякий, иногда очень даже интересный. Вот, например, у меня каждый понедельник уже два года появляется один молодой человек. Видно, что культурный и явно не богатый. Каждый понедельник у меня утром перекусывает и каждый четверг возвращается ближе к вечеру, ужинает и домой. Вот как-то раз я вижу, что парень не торопится, и мы с ним разговорились. Оказывается, он начинающий писатель. По понедельникам возит свои произведения в соседний городок то ли в редакцию, то ли в издательство, я в этих делах не разбираюсь. Что, говорю, романы пишешь? Нет, говорит, не романы, а рассказы. Такой, говорит, у меня творческий организм, что мне интереснее всего писать именно рассказы. А романы, говорит, мне даже не интересны. Ну, а как, говорю, вам платят за эти рассказы? Оказывается, сущую мелочь. Так и бросьте, говорю, вы это пустяковое дело, ведь и ноги протянуть не долго. Вот сколько вы тратите времени на один рассказ? Это, говорит он, по-разному: иногда день, а когда и неделю. И за такое время такие деньги! – говорю я. Да у меня уборщица больше зарабатывает. А знаете, пришла мне в голову мысль, я вашему делу не учился, но уверен, что написал бы рассказ максимум за полдня. Страниц пять-шесть – да запросто. Ну да, говорит он, это со стороны глядя всегда просто. А на деле иной рассказ романа стоит. А давайте, говорю я, мы с вами поспорим: вы уезжаете на четыре дня, а по приезде я выдаю вам рассказ, написанный за полдня. Я человек честный, не обману. И если вы считаете, что это мазня, я плачу вам пятьдесят долларов, а если признаёте его за рассказ, то полста долларов с вас. Идёт, говорит он, ударили мы с ним по рукам и укатил он в свою редакцию. А я перед сном задумался о рассказе, который, не подумав, пообещал написать. А подумав, честно вам скажу, дрогнул.

С чего это я решил, что могу написать рассказ, когда я матери своей письмо толком написать не мог? Подвела меня, видать, доза испанской крови – эти латиносы известные хвастуны. Конечно, я всегда любил почесать язык и среди приятелей славился хорошим рассказчиком, да и приврать всегда умел. Но ведь одно дело веселить компанию, а другое рассказы писать. Литература! Но делать нечего, стал я думать, а точнее вспоминать. Жизнь-то у меня была богатая, особенно в молодости. Вспомнил то, вспомнил это, а потом взял бумагу и начал потихоньку кое-что записывать. Сначала этак робко, а потом рука сама начала карандаш двигать, только успевай листки менять. Так рассказ и написался. Конечно, я в нём многое переделывал, исправлял, но в основном писал почти начисто. А потом, как будто ото сна очнулся, перечитал своё произведение и, помню, подумал: а что, рассказ получился, вроде, интересный, не как у Марка Твена, но тоже ничего. Может, полсотни баков он и не стоит, но и с меня их тоже вряд ли получат. Так и получилось. Показал я молодому писателю свой рассказ, когда он из редакции своей вернулся. Почитал он его и говорит: у вас, мистер, явный литературный талант, я бы на вашем месте этим делом серьёзно занялся. А ещё – достаёт он бумажку с портретом мистера Гранта и вручает мне со словами: берите, мистер, вы заслужили. К слову сказать, на эту бумажку я часы купил золотые, которые сейчас у меня в жилетном кармане тикают, да подарки своей жене Мэри и детишкам. А насчёт рассказов, говорю тому парню, с меня и этого хватит. Спасибо, разобрался, не простое это дела, но уж лучше я по старинке на своём месте поработаю. Каждому, говорю, своё. Вот так. А вы, мистер – это уже к Эндрю – не хотите почитать?

– А я, – продолжает уже сам Эндрю, – почему, думаю, нет? Даже интересно, первый, можно сказать, литературный опыт. Вот только времени уже нет, пора двигаться дальше.

– Да я вам его с собой дам, – говорит хозяин и протягивает мне пачечку исписанных листочков. Сунул я их себе в карман плаща, расплатился, сел в свой верный

бьюик и вперёд. Уже только дома через неделю достал их, начал этак лениво и... зачитался. Да так, что прочёл до конца, ни разу не оторвавшись.

– Да, – говорю уже я, – такой рассказ и я бы, пожалуй, почитал.

– А вы и почитайте, – говорит Эндрю и протягивает мне небольшую пачку бумаги. – Я бы вам сам прочитал. Но чтец я неважный, да и написан он от первого лица. Почитайте, не пожалеете. А мой язык пока маленько отдохнёт.

Взял я у Эндрю эти листки и стал читать. Привожу вам этот рассказ, как он был написан. От первого лица, ничего не убавляя и не прибавляя.

«...В то время мы с Джимом колесили по Среднему Западу, ища какой-нибудь работы или вообще какого-нибудь стоящего дела. Из одного городка в другой, от одной фермы к следующей. И однажды попали в маленький отельчик, который держала пышная женщина, как раз такая, какие мне нравятся. Такие, знаете, чтобы спереди у неё было всё необходимое и сзади. Но это к слову. Договорились мы с ней остановиться у неё на два-три дня за мужскую, которой её отельчику явно не хватало, работу. Ограду поправили, окна, двери в порядок привели. И смотрю – хозяйка, Лиззи её звали – явно на меня глаз положила. А я на неё. Не буду о подробностях, скажу только, что третью ночь мы провели в одной постели, после чего мы с Джимом остались ещё на неделю. А в конце недели она мне и говорит: есть, Джек, у меня для вас с Джимом хорошая мысль. Тут в нескольких милях вверх по этой дороге есть такое же заведение, как у меня. В хорошем состоянии, там хозяин старичок, мужчина аккуратный. Так вот, продаёт он своё заведение и продаёт дёшево. Решил, что хватит работать, пора и отдохнуть. Продам, говорит, и двину куда-нибудь к морю. Вот и купите вы с Джимом этот отельчик. Я тебе на первое время денег одолжу, ты, вижу, парень честный. А дальше вы с другом сами станете зарабатывать, парни вы работающие. Так и сделали. Поблагодарил я Лиззи в последнюю ночь изо всех сил, а утром мы с Джимом поехали в это место, о котором она нам рассказала. Всё получилось как нельзя лучше. И хозяин цену назвал разумную, и место нам понравилось. Можно сказать, на перекрёстке, и городок небольшой рядом. В общем, место оживлённое. И так мы с другом устроились, что лучше нам и не надо. С Лиззи я честно расплатился, и стали мы с Джимом работать на себя и даже потихоньку откладывать. Купили старенький, но ещё резвый фورد и начали ездить по округе, зорко примечая, где чего продают и где цены поумеренней.

И вдруг получаю я неожиданное письмо из городка, в котором родился, провёл всё детство и где похоронены мои родители, а братьев и сестёр у меня и сроду не было. А в этом письме известие о том, что мой дядя, которого я лет пятнадцать не видел, умер и после его смерти остался бедный сирота – его папаша Тимоти, восьмидесяти с чем-то лет от роду. И что других родственников у этого сироты нет, а стало быть, единственный вариант его устройства – это чтоб я забрал его к себе. Забрать, значит, этого двоюродного деда к себе и лелеять его старость до естественной кончины. Но, пишут мне, чтобы я особенно не беспокоился, мой престарелый родственник не какая-нибудь развалина, которому нужна сиделка, а вполне здоровый старичок, который может о себе позаботиться, если его уговорить, с одной только мелкой болезнью – какого-то то ли еврея, то ли немца Альцгеймера. Короче, приезжай, Джек, и забирай своего драгоценного родственника, потому как всё равно его больше некуда девать. Ну и что делать? То, что я его в детстве, может, всего пару раз видел, никого не колышет, и пришлось мне ехать и забирать старика Тимоти к себе – не бросать же его в самом деле на произвол судьбы. Привёз я этого старикана к нам с Джимом, тот, слава Богу, не возражал, отвёл ему небольшую, но удобную комнатку, и зажили мы втроём одной, можно сказать, семьёй. Надо честно сказать, что этот Тимоти был человек спокойный, хлопот особых не доставлял, а то, что он с утра до вечера нёс сплошную ахинею, так это было не утомительно, а иногда даже забавно. По вечерам он сидел часами в главном зале и рассказывал тем, кто хотел его слушать, истории из своей бурной жизни. Как он

воевал с Наполеоном, участвовал в англо-бурской войне, естественно, на стороне буров. Но больше всего он любил морские истории о своих кругосветных путешествиях, ибо действительно был когда-то военным моряком. Подвыпившие посетители слушали его с удовольствием. Особенным интересом пользовалась история о том, как, участвуя в Трафальгарском сражении, наш отважный Тимоти лично выбил глаз адмиралу Нельсону. Со временем я даже научился извлекать из рассказов бравого капитана пользу и брать с каждого слушателя по доллару. Единственной нашей заботой было присматривать за ним, и когда он кричал “ставить кливера!”, вести его в уборную, расположение которой он никак не мог запомнить, по малой нужде, а на возглас “свистать всех наверх!” вести его туда же по нужде более серьезной. Нечего Бога гневить, забот он доставлял мало, и к его присутствию мы с Джимом быстро привыкли. Но я не о том, а вот о чём. Открывается однажды дверь в наш не особо шикарный зальчик, и wpłyвает такая красота, красивее которой я в своей жизни не видел. Бог бы мой! – фигура, лицо, глазки, губки – в общем всё, что нужно. Вплывает таким лебедем, находит место как раз рядом с бравым капитаном и заказывает себе что-то лёгкое: кофе с чем-то, не помню даже с чем. Я вообще тогда работал как заводная кукла, потому что глаз от этой красоты отвести не мог. Принёс я ей заказ и присел рядом, что вообще-то у нас не поощрялось. Но отойти я не мог, как будто меня к ней приклеили. Не могу не добавить, что эта лебедь была в теле, как раз такая, каких я люблю. А она знай щебечет, что едет в городок N, куда сейчас должен приехать в отпуск её кузен, который служит на флоте и страшно интересно рассказывает о своей службе. А она сама не своя до моря и хлебом её не корми – обожает слушать морские истории. Вот в прошлый раз её кузен рассказывал ей про свой парусник, где он заведует какими-то потрясающими парусами, которые называются буфера. Тут brave капитан Тимоти стряхнул с себя дремоту и объявил, что очаровательная мисс ошибается, что эти паруса называются кливерами, а не... Но в этот момент его отвлекла более насущная потребность и он гаркнул “свистать всех наверх!”, после чего сразу был уведён Джимом. Не забыв получить с “очаровательной мисс” доллар. Джим его увёл, а я сижу, как будто меня приварили к стулу. Дело в том, что у нас в мальчишеские и подростковые годы буферами назывались женские тить... ну, в общем, понятно. И это слово по сей день производит на меня впечатление взрыва миномётного снаряда, тем более что у нашей щебетуньи буфера были такие, что я два часа не мог отвести от них глаз. Даже когда она ушла, я ещё час не мог встать из-за стола, настолько красноречиво выглядели мои брюки. Через некоторое время Джим, который знал меня как себя, подошёл и сказал: остынь, Джек, а то дело плохо кончится. На тебе уже сейчас можно яичницу жарить. Советую тебе как друг: вот тебе на сегодня отпуск, а ты переодевайся и дуй к своей Лиззи. Расслабись, можешь даже завтра отоспаться и опохмелиться, но к вечеру будь здесь как штык. Завтра суббота, народ должен пойти косяком. Следует ли говорить, что повторять Джиму не пришлось, я сорвался с места, быстро переоделся, плюхнулся в наш старенький фторд и только меня и видели».

На этом рассказ кончался, я отдал листки Эндрю и, не кривя душой, сказал, что чтение доставило мне удовольствие.

– А знаете, что ещё интересно, – сказал Эндрю, пряча листочки в тот же объёмистый карман. – Случилось так, что парень, писавший рассказы, о котором рассказывал хозяин отельчика, спустя некоторое время стал моим близким приятелем. А заодно и по-настоящему известным писателем, причём именно своими рассказами. Уильям Сидни Портер, вы наверняка о нём слышали.

– Простите мою неграмотность, – говорю я, – наверное, стыдно, но это имя мне ничего не говорит.

– Извините, ради Бога, – говорит Эндрю, – что я невольно ввёл вас в заблуждение. Забыл сказать, что мой приятель пишет под псевдонимом О. Генри, наверняка слышали.

– И слышал и читал, – говорю я. О. Генри! – Смешно сказать. Да его вся Америка знает.

– Так вот, – продолжает мой попутчик, – показал я как-то Уильяму этот рассказ, тогда и обнаружилось, что упомянутый в рассказе молодой писатель – это он и есть. Ты знаешь, – сказал он мне, – этот парень написал рассказ, а публиковать его и не думал. Честно тебе скажу, не раз было у меня искушение напечатать его под своим именем, да совесть удержала. Нельзя воровать чужую собственность, даже интеллектуальную.

Запомнил я его слова и подумал: ну пусть он не напечатан, но всё же жив, не пропал. А у него даже названия нет, так и живёт безымянным. И решил я взять на себя это дело – придумать ему название. И, подумав, остановился на таком: «Рассказ, который не написал О. Генри». По-моему, звучит неплохо. Как вы считаете?

22. 08. 2020

Сны мои

Неожиданно мне стали сниться сны. Вообще-то мне всю жизнь они снились. Неожиданность была в том, что последние три года их не было. Не сказать, что совсем – что-то иногда случалось, но даже снами их было трудно назвать. Больше всего они были похожи на киножурналы советских лет – те, что демонстрировали в кинотеатрах перед кинофильмами. Кае-как склеенные обрывки каких-то неинтересных информации, не говорящих ничего ни уму ни сердцу. Или ещё хуже – какая-то мешанина из разрозненных кадров вообще без какого бы то ни было смысла.

Нет, сейчас мне стали сниться сны, которые лучше всего характеризовать литературно: сны – рассказы, сны – повести, сны – романы, да-да, романы, один такой я помню, хотя, разумеется, не целиком. Но чаще всего снились рассказы. Одни – их, конечно, было большинство, бесследно исчезали к утру, но другие... Эти снились, я даже могу подробно рассказать, как. Сначала рассказ снился как кино, действие происходило как на экране, причём от начала до конца. Затем он повторялся, однако уже без визуального ряда – я просто повторял его полностью, не упуская ни одной детали. И, наконец, в третий раз я снова повторял его слово в слово – и это было всегда на той тонкой границе, что отделяла сон от яви. Проснувшись, я помнил его полностью, оставалось только записать. Естественно, такое случалось не часто. Нужно только добавить, что время действия такого рассказа было совершенно произвольным, иногда без всякой связи с действительностью.

Улица была почти пустынна, только один человек шёл по ней, явно не торопясь, и я рискнул к нему обратиться.

– Простите...

– Иуда, – вставил он.

– Простите, Иуда, не подскажете, где находится Синедрион, я здесь человек новый...

– Да вот он, – не дал мне договорить Иуда, – метров двести, я как раз туда, – и показал на неказистое одноэтажное здание.

– Н-да, – сказал я, – я ожидал нечто величественное, всё же как будто парламент, парламентарии...

– Парламентарии! – хмыкнул Иуда, – двадцать старых болтунов, типичные пикейные жилеты. Век бы их не видел.

– Так и не ходите, – посоветовал я.

– Не могу, – вздохнул Иуда. – Надо. Сказали «надо!», значит надо идти. Передать кое-что (через пятисекундную паузу, со вздохом) важное.

– Ну хоть заплатят? – поинтересовался я.

– Плевать я хотел на их деньги! – сказал Иуда и сплюнул. – В нашей конторе я казначей, у меня этих денег... ящик уже не поднять. (Опять со вздохом) – А взять придётся. – И махнув мне рукой, вошёл в двери здания.

Постояв пару минут перед входом, я обошёл здание справа и на дороге впереди метрах в трёхстах увидел какой-то парк.

– Что это за парк? – спросил я человека, который стоял на дороге, по-видимому о чём-то задумавшись.

– А? – словно очнулся мужчина, чем-то неуловимо похожий на Иуду. – Парк? – Это сад. Гефсиманский сад. Ничего интересного. Даже грибы не растут. Хотя на рынке их сейчас завались: и шампиньоны и какие-то новые, коричневые, забыл, как называются. Но если их поджарить с картошечкой... Пальчики оближете. Ручаюсь. – И забыв попрощаться, пошёл по направлению к саду. Однако метров через десять обернулся и крикнул: – А Иуду не встретили?

– Встретил, – сказал я, – он сейчас в Синедрионе. При мне вошёл.

– В Синедрионе, – повторил мужчина. – Очень хорошо. Значит, всё в порядке. Он двинулся вперёд, но через несколько минут начал словно бы таять и... исчез.

Тут я понял, что нахожусь на уже упоминавшейся мной границе сна и яви. Но не успел её перейти, как услышал голос, чётко и ясно произнёсший:

Вспомним заросли мрака и меч, поразивший раба.

Гефсимания-мать, наречённая наша судьба,

Ты вершишься поднесь, причащая началу начал.

А покудова ночь. И петух ещё не прокричал.

31. 08. 2020